

ПАЛЕЦ

– Их угнетали! – произнес Андрюха скорбным голосом. – Их угнетали, – повторил он, оглядывая класс, в надежде услышать подсказку.

Андрюха справедливо полагал, что в истории всегда кто-то кого-то угнетает.

– Их угнетали, – с тоской произнес Андрюха в третий раз.

– Кого угнетали? – не выдержала учительница.

Так и не дождавшись подсказки, Андрюха решил выкрутиться сам и вдруг громко воскликнул:

– Но они не хотели!

– Чего? – удивилась историчка.

– Чтобы их угнетали! – заключил Андрюха.

– Кого угнетали? – учительница с раздражением смотрела на Андрюху.

– Ну, этих! – Андрюха кивнул головой в сторону окна.

– Кого это «этих»? – передразнивая ученика язвительно усмехнулась историчка.

– Пигмеев, – неожиданно вырвался у меня громкий шепот.

– Пигмеев, – эхом отозвался Андрюха.

«Хоть бы подумал немного, нельзя же совсем ни фи́га не знать по истории, ну какие в Европе пигмеи? Пошутить с дураком нельзя».

– Каких пигмеев? – изумилась историчка.

– Вот таких, маленьких, – понес отсебятину Андрюха и показал рукой высоту примерно метр от пола.

– Ладно, садись, два! – вздохнула историчка и с опаской открыла журнал.

На прошлом уроке мы заложили между страницами журнала «лягушку» самой простой конструкции: поперек стального кольца была натянута двойная резинка, продетая через дырочки крупной пуговицы. Если закрутить пуговицу, то резинка сворачивалась в тугую жгут. Заложённая между страницами, такая «лягушка» выпрыгивала, как только книгу открывали. Частенко «лягушку» заворачивали в лист бумаги в виде записки и посылали по школьной почте какой-нибудь девчонке или подбрасывали учительнице, любящей читать чужие записки. Если разворачивать такой конверт, то пуговица начинала стремительно вращаться и трепыхаться в бумажке, как живая. Девчонки и учителя просто визжали от испуга. «Суперлягушки», изготовленные Андрюхой из двух пружинистых стальных проволочных дуг, подпрыгивали вверх до метра. Эти «лягушки» расплодились по всей школе: портфель было страшно открывать, так и гляди что-нибудь выскочит.

В прошлый раз учительница так и не выяснила, кто подложил ей «лягушку», но подозревала меня с Андрюхой.

Историчка стала объяснять новый материал, а я занялся заполнением дневника, и вдруг услышал, как она крикнула:

– Белов! Немедленно выйди из класса!

– Кто? – не понял я и даже обернулся, надеясь, что произошла какая-то ошибка, хотя определенно знал, что второго Белова в классе нет.

– Ты! – заявила историчка.

– За что? – опешил я. Меня выгоняли с урока множество раз, но всегда за дело, а сейчас просто так? Я считал, что даже наказание надо честно заслужить.

– Анна Георгиевна! – досказала за меня учительница металлическим голосом.

– Анна Георгиевна, – покорно повторил я.

– Ты себя плохо ведешь!

– Здравствуйте... – сорвалось у меня с языка и, пытаясь исправить положение, я добавил: – Анна Георгиевна!

– Ну, здравствуй, Белов! – насмешливо передразнила меня учительница под смех класса.

– Я же ещё ничего не сделал!

– Еще бы ты что-нибудь сделал! – парировала историчка.

– Тогда объясните, пожалуйста, в чем дело, – полез я на рожон.

– Много чести! Я сказала, выйди из класса сейчас же!

Я тоже завелся и с нажимом спросил:

– Скажите, за что!?

– В тебя бросили карандаш! – громко, словно оглашая окончательный тюремный приговор, заявила историчка.

У меня отлегло от сердца. Честно говоря, я на такую ерунду даже внимания не обратил. Вот если бы бросили чернильницу, тогда за день не отмоешься!

– А при чем здесь я? Не я же бросил карандаш.

Но логика у людей бывает разная. У продавцов и официантов даже таблица умножения своя: трижды три – тридцать три! Семью семь – семьдесят семь! Безумно просто, легко запоминается и не в накладе!

– Если бы ты себя хорошо вёл, то в тебя карандаш не бросили бы! Вот почему в Сундукова не бросили карандаш?

Я даже растерялся, не зная, оспаривать ли первую часть этого заявления или сразу отвечать на дурацкий вопрос.

«Может, как раз в Сундука и бросили карандаш, а попали в меня» – вдруг подумал я.

Почему-то достойный и остроумный ответ всегда приходил мне на ум не во время спора и даже не на лестнице, как у многих нормальных людей, а запаздывал иногда на целые сутки. Вот и сейчас я едва успел промычать:

– Да, но...

– Я все сказала! – бесстрастно, как Чингачгук на совете вождей, отрезала историчка.

И чего я зевелся? Ну, вышел бы, спокойно погулял, устроил какую-нибудь хохму и все дела! Так нет, надо было нарваться на неприятность.

Неожиданно я ляпнул:

– Значит, если бы этот карандаш попал в вас, то за плохое поведение вас уволили бы из школы? – спросил я с показной скромностью и добавил, – Анна Георгиевна!

Класс замер от такой выходки. Я, признаться, и сам не ожидал, что так складно получится.

Историчка с шумом втянула носом воздух, как носорог перед атакой, и ринулась ко мне, но я сильно ошибся в определении ее действий, за что и поплатился. Она с неожиданной для ее грузной фигуры прытью подскочила к моей парте и схватила дневник. В самом этом факте не было бы ничего страшного, если бы она схватила нормальный дневник, а не чистовой. Этот дневник я завел специально для секции бокса. Тренер нас пугал, что если кто получит тройку, то на тренировки может не приходиться (И тут отличникам привилегии!). Сначала я честно держался три недели, учил все домашние задания и как каменный сидел на уроках. Один бог знал, что

значит спокойно сидеть человеку, который родился «с шилом в заднице», да не с одним, а с двумя. Я уже начал гордиться собой. Но литераторша неожиданно вклеила мне первую тройку и в тот же день меня подловила историчка своим любимым приемом. Я сидел как истукан, стараясь не вертеться, не зевать, не разговаривать, и как истукан смотрел прямо перед собой. Спрашивается, ну что еще надо? Но историчка по моим оловянным глазам почувствовала, что я думаю (!) о чем-то постороннем.

«Белов, ну-ка повтори, что я сейчас сказала».

Прежде чем я услышал подсказку от Андрюхи Тимохина и раскрыл рот, историчка схватила мой дневник и с каким-то садизмом вклеила мне двойку, да еще так жирно расписалась, что чернила проступили на другой стороне листа. Теперь ни о каких подчистках не могло быть и речи, даже химия здесь была бессильна.

Вот тогда я и купил новый дневник. Меня испорченные страницы, я обнаружил, что они нумерованные и понял, что теперь, для того чтобы учиться без замечаний и только на «хорошо», мне придется каждый раз покупать новый дневник. Денег на такую операцию, конечно же, не было. Поэтому я решил, что проще вести сразу два дневника параллельно – один нормальный, для учителей, куда писались замечания и ставились все оценки, а второй чистой для секции бокса и для родителей, в который я ставил сам себе только хорошие оценки.

Так вот этот чистой дневник и схватила историчка. Нервно перелистывая страницы в поисках нужной недели, она вдруг воскликнула:

– Что это такое, откуда у тебя в дневнике одни четверки? И замечаний нет!

Учительнице хотелось немедленно наказать меня перед всем классом, поэтому она даже не заподозрила, что подписи в дневнике не настоящие.

– Ничего, – злобно усмехнулась историчка, – сейчас мы тут всё исправим, – и прежде чем накатать мне жирным почерком замечание: «Плохо себя вёл на уроке истории», она открыла журнал и выставила мне четыре двойки и три тройки и еще сверила с журналом, правильно ли стоят четверки. Но лишних оценок я не ставил, за что еще раз мысленно себя похвалил.

Не дойдя до моей парты, историчка ловко бросила дневник. Этому приему она научилась у наших ребят. Конечно, мы бросали дневник на стол не с такого расстояния, как это могла позволить себе учительница.

Итак, дневник был безнадежно испорчен, а сегодня вечером у нас должен был состояться открытый ринг с клубом Спартак и тренер сказал, что перед соревнованиями хочет обязательно посмотреть наши дневники. Понятно, что вид моего дневника вряд ли приведет его в восторг и он, растрогавшись, выпустит меня на ринг. У меня уже было несколько боев-спарингов, но все это было так... без присуждения победы, без рефери, без гонга.

Я полистал дневник и убедился, что он безнадежно испорчен. Поменять и успеть заполнить шесть страниц, было не реально. Денег на новый дневник тоже не было, а в три часа уже взвешивание.

И черт меня дернул связаться с историчкой. Ну, чего добился? А мог бы сегодня выступить на ринге.

Но Аннушка тоже хороша! «В тебя бросил карандаш!». Ну что ж, если замечание уж написано, то его следовало заслужить, мне просто так ничего не надо! Я достал из тайника резинку от рогатки и перемотал

безымянный палец правой руки у самого основания. Затем, не обращая внимания на историчку, отыскал в портфеле спичечный коробок. Учительница несколько раз грозно посмотрела в мою сторону, но промолчала, удовлетворенная тем, что уже вклеила мне замечание. Однако она чувствовала, что за мной не заржавеет, и это её тревожило. Она нервно постучала карандашом по столу, призывая меня к порядку, но коробок уже оказался у меня в руках.

Обломком бритвенного лезвия я сделал в нижней части коробка отверстие, в которое свободно влезал безымянный палец. К концу урока перетянутый резинкой палец распух и приобрел желаемый фиолетовый оттенок, а ноготь с элегантной траурной каймой совсем почернел.

Прозвенел звонок. Ребята гурьбой повалили из класса. У нас в школе был такой порядок. Там, где коридор расширялся, образуя нечто вроде зала, по кругу, взявшись за руки, гуляли ученики, в основном, конечно, девчонки, и пели песни. Ходили классами и пели, стараясь перекричать друг друга.

За порядком следил дежурный преподаватель. Он стоял в том месте, где коридор переходил в зал, а с другой стороны несколько дежурных из старших классов с красными повязками. Их задача состояла в том, чтобы вовремя заметить формирование «боевой свиньи», которая за считанные секунды создавалась из нескольких десятков ребят. Это была старая традиционная игра, пришедшая еще из времен «мужской» школы. Она заключалась в том, что два десятка ребят образовывали крепко сцепленную двухрядную колонну. В парах ребята становились друг к другу боком и одной рукой крепко хватались за ремень соседа на спине, а другой держали за ремень переднюю пару, и получалась плотная и монолитная группа, которая и двигалась на таран в зал. Так как у самой первой пары оказывались свободными по одной руке, то по пути движения они хватали сзади за ремень первого зазевавшегося школьника, и он неожиданно для себя самого становился во главе колонны и назывался «пятак». Оказаться в этой роли было совсем не сладко, в чем я убедился, когда сам случайно попался.

«Свинья» с ходу врезалась в гущу гуляющих, все падали, орали и образовывалась «куча-мала» из сбитых девчонок и мальчишек. Учителя считали эту забаву варварской и очень опасной, хотя серьезно никто от неё не пострадал. Чаше девчонки просто расступались, и «свинья» с ревом и топотом проскакивала весь зал, но развернуться для повторной атаки ей уже не давал дежурный учитель.

В тот день историчка была дежурным преподавателем. Она вытягивала шею, пытаясь заглянуть в дальний конец коридора, чтобы вовремя заметить формирование «свиньи».

Просунув в нижнее отверстие коробка посиневший палец, я устроил его так, что когда открываешь лежащий на правой ладони коробок, то внутри показывался мертвенно-фиолетовый палец. Историчка наблюдала за гуляющими, но вдруг неожиданно сорвалась с места и, оставив без охраны свой конец коридора, стремительно помчалась на другой край зала, заметив там подозрительную возню. Она хотела упредить рождение «свиньи» и разогнать ее в зародыше. Этот ее маневр был хорошо известен, и когда она бежала, заметив ложную суету на противоположном конце коридора, за ее спиной быстро и четко рождалась «свинья».

Однако в тот раз создание «свиньи» что-то задерживалось, и историчка успела дойти до конца зала. Тут я вынырнул из толпы и вкрадчивым голосом произнес:

– Анна Георгиевна! Посмотрите, что я нашел под верстаком в столярной мастерской, – и осторожно стал сдвигать крышку короба, лежавшего на правой ладони. Когда показался фиолетовый палец, историчка так вскрикнула, что на другом конце коридора развалилась начавшая свое движение «свинья». Как рассказывали потом участники, им показалось, что передние кого-то насмерть задавили.

Я сразу юркнул в толпу, предоставив девчонкам ухаживать за охающей и причитающей историчкой.

Прозвенел звонок с большой перемены. Все разошлись по классам. Расплата не заставила себя долго ждать. Минут через десять после начала урока дверь распахнулась и в класс энергично вошла директриса в сопровождении исторички. Ученики встали и замерли в ожидании.

– Садитесь, дети! – разрешила директриса. – Белов, с вещами на выход!

В своём кабинете директриса села за стол спиной к окну, так что лицо её было едва различимо.

– Чей это был палец и где ты его взял? – грозно спросила директриса.

– Не знаю чей, на нем не было написано, он лежал в стружках под верстаком в столярной мастерской, – не моргнув глазом, ответил я.

– Зачем ты показал палец Анне Георгиевне и испугал её?

– Она дежурный преподаватель. Обо всех происшествиях мы должны сообщать дежурному преподавателю.

– Но ты же знал, что она может испугаться?

– А чего бояться отрезанного пальца, он не укусит.

– Ты должен был сначала как-нибудь тактично её предупредить!

– Хорошо, когда я в следующий раз найду палец, я так и сделаю.

– М... да! – произнесла директриса, понимая, что прицепиться не к чему. – А куда ты дел палец?

– Выбросил в окно.

– Зачем?

– Учительница испугалась и я тоже.

– Иди в сад, найди палец и принеси его мне. Надо же, в конце концов, установить, чей это палец, – обратилась она к завучу, – завтра утром при входе в школу следует проверить пальцы у всех учеников. А ты что стоишь? Иди и ищи!

«И человека человек послал к анчару властным взглядом!» – почему-то вспомнилось мне.